

Rusistica Latviensis

9

Георгий Адамович и...
(К проблеме изучения
культуры русской
диаспоры)

Georgijs Adamovičs un
krievu diasporas kultūra

**Latvijas Universitāte
Rusistikas un slāvistikas nodaļa
Rusistikas centrs**

Rusistica Latviensis 9

Георгий Адамович и... (К проблеме изучения
культуры русской диаспоры)

Посвящается памяти Олега Анатольевича Коростелева
(1959–2020)

Georgijs Adamovičs un krievu diasporas kultūra
Oļega Korosteļova (1959–2020) piemiņai

Георгий Адамович и... (К проблеме изучения культуры русской диаспоры).
Посвящается памяти Олега Анатольевича Коростелева (1959–2020) = Georgijs
Adamovičs un krievu diasporas kultūra. Oļega Korosteļova (1959–2020) piemiņai.
Rusistica Latviensis 9. Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2021. 164 lpp.

Recenzēts zinātnisku rakstu krājums no sērijas *Rusistica Latviensis*, izdošanai
apstiprināts Latvijas Universitātes Humanitāro zinātņu fakultātes domē 01.03.2021.

**LATVIJAS
UNIVERSITĀTE**

Zinātniskā redkolēģija:

Ludmila Sproģe (Latvijas Universitāte), priekšsēdētāja
Iveta Narodovska (Latvijas Universitāte), atbildīgā par krājuma izdošanu
Tatjana Carjkova (Krievijas Zinātņu akadēmijas Krievu literatūras institūts
(Puškina Nams), Krievija)
Venta Kocere (Latvijas Universitātes Akadēmiskā bibliotēka)
Fjodors Poļakovs (Vīnes Universitāte)

Krājuma redaktore: Iveta Narodovska, Ludmila Sproģe, Olga Proskurova-
Timofejeva

Anotācijas no krievu valodas latviešu valodā tulkojusi Iveta Narodovska
Anotāciju redakcija angļu valodā – Margarita Spirida

Raksti, kas publicēti krājumā, ir recenzēti.

Recenzenti:

Anna Stankeviča (Daugavpils Universitātes profesore, Latvija)
Manfreds Šruba (Milānas Universitātes profesors, Itālija)

Tehniskā redaktore Ruta Puriņa
Maketētāja Rudīte Kravale

© Latvijas Universitāte, 2021

ISBN 978-9934-18-691-2 (PDF)
<https://doi.org/10.22364/ruslat.9>

Сергей Доценко

О литературном генезисе имени героя книги А. Ремизова «Учитель музыки»

В статье рассматривается автобиографический и литературный генезис имени «Корнетов», главного героя книги А. Ремизова «Учитель музыки. Каторжная идиллия». Автор приходит к выводу, что имя «Корнетов» является рефлексом детской мечты Ремизова стать кавалергардом. Одновременно образ кавалергарда становится элементом литературной парадигмы «кавалергард – учитель – разбойник».

Ключевые слова: русская литература, прототип, литературный герой, генезис, А. Ремизов, А. Блок.

С первой страницы, с первой строки любой из ремизовских книг чувствуется, что это, как говорится, настоящее. Но как оно диковинно, это «настоящее», и сколько мыслей возбуждает оно, независимо от непосредственного содержания текста, сколько мыслей о нашей литературе вообще, о ее возможном будущем, о ее прошлом...

Г. Адамович

Главный герой автобиографической книги Ремизова «Учитель музыки» (1934–1949) – Александр Александрович Корнетов. О генезисе этого имени (*Корнетов*) пишет сам автор в гл. «Чинг-Чанг»:

«Прошу не путать никого с Александром Александровичем Корнетовым, ни из его знакомых и приятелей, это я сам. Имя Корнетову дано было еще в Петербурге в честь Александра Александровича Блока, а фамилия «Корнетов» не столько инструментальная по профессии учителя музыки, сколько кавалерийская: заветная мечта Александра Александровича, которую он неоднократно высказывал, – “быть бы мне лихим корнетом, ездить на коне, как у Толстого в «Войне и мире», выделять всякие ухарские штуки!” – фамилия Корнетов дана по контрасту с его небоевым образом жизни» [9: 437]¹.

¹ В примечаниях к «Учителю музыки» сообщается: «Изначально образ Корнетова имеет полигенетический характер. Среди его более прямых реальных прототипов сам автор, в детстве учившийся играть на корнет-а-пистоне <...>» [9: 473]. Добавим, что этот музыкальный духовой инструмент косвенно тоже отсылает к «военной» теме: корнет-а-пистон (франц. *cornet a pistons* – букв. рожок с клапанами)

Эта ссылка на мечту Блока быть «лихим корнетом» напоминает анекдоты-апокрифы о великих писателях. Однако в воспоминаниях о Блоке действительно можно найти упоминания о его увлечении верховой ездой.

«Он рано выучился ездить верхом, красиво сидел на лошади и ловко и смело ездил. При всей своей любви к лошадям он умел их заставлять себя слушаться. <... > Саша уезжал верхом иногда на целые дни и в этих поездках исколесил все окрестности Шахматова на далекое пространство» [2: 60]².

Но в действительности речь идет скорей не о мечте Блока, а о мечте самого Ремизова. Вспомним его письмо А. Н. Чеботаревской от 23.05.1907 г., в котором Ремизов (на просьбу сообщить о себе биографические сведения) несколько шуточно отвечал:

«Хотел быть кавалергардом, разбойником и учителем чистописания» [цит. по: 3: 447].

А в мемуарной книге «Подстриженными глазами», в которой описаны детские и отроческие годы жизни писателя, есть такое признание Ремизова:

«<... > Мне самому хотелось быть серебряным всадником – таким вот блестящим великаном на коне! И долго потом меня не оставляла эта мечта, и когда меня спрашивали, кем я хочу быть, я неизменно отвечал: “кавалергардом”» [7: 143].

Более чем очевидно, что мечта «стать кавалеристом» (кавалергардом), – это мечта скорей не Блока, а самого Ремизова³. В 1910 г. эта мечта

применялся в военном оркестре, а его разновидность корнет рожок (signalhorn, cor de signal) – в качестве военного рожка для подачи сигналов.

² Мемуары М. А. Бекетовой «Александр Блок и его мать» были опубликованы в 1925 г. (см.: Бекетова 1925), и можно предполагать, что именно они стали источником ремизовского апокрифа о мечте А. Блока стать кавалеристом.

³ В той же книге «Подстриженными глазами» Ремизов вспоминает, что отец его в шутку «и меня и моего брата <... > называл за нашу мелкорослость “гвардейцами” <... >» [7: 142]. Впрочем, в мемуарной книге «Иверень» этот список более длинный и более разнообразный: «Мечтал сделаться певцом, музыкантом, актером, художником, учителем чистописания, парикмахером, пиротехником (пускать потешные огни и волшебные звезды), философом и ученым – и попал в литературу» [7: 270]. Отметим, что само понятие кавалергард может выступать и, скорее всего, выступает как эмблема дворянского, т. е. «благородного», мира. Кавалергарды (от франц. cavalier – всадник и garde – охрана) – особая кавалерийская часть в русской гвардии в XVIII-начале XX вв. Кавалергарды исполняли обязанности телохранителей и почётной стражи во время коронаций и других торжеств. Впервые сформирована в 1724 г. на время коронации Екатерины I из офицеров гвардии. Позже (в 1725–1731 гг. и 1762–1796 гг.) существовали под названием Кавалергардского корпуса. В 1797 г. были расформированы, но в 1799 г. восстановлены как гвардия императора Павла I. В 1800 г. преобразованы в гвардейский кавалерийский полк [5]. Этимологически в самом слове «кавалергард» акцентировано значение: «дворянин», «рыцарь». В качестве примечательного факта отметим, что своего

появляется в размышлениях главного героя повести А. Ремизова «Крестовые сестры» (1910):

«Когда в детстве хотел Маракулин быть к а в а л е р г а р д о м, он молился, чтобы Господь сделал так, помог ему сделаться кавалергардом, а когда хотел быть р а з б о й н и к о м, то в тех же словах молился, лишь с заменой кавалергарда разбойником, и так же точно молился, когда хотел быть у ч и т е л е м ч и с т о п и с а н и я. Это главные были его молитвы о самом себе еще в Москве, в Таганке <...>» [8: 137; везде разрядка А. Ремизова. – С. Д.].

Такое сочетание в ремизовском сознании образов «кавалергарда», «учителя чистописания» и «разбойника» выглядит парадоксальным. Но можно предположить, что это не случайность, а осознанная игра известными литературными и культурными типами.

Прежде всего, все три образа дают своеобразную, но тем не менее логичную социокультурную парадигму. Кавалергард – образ, занимающий высокое и престижное место в социальной иерархии⁴. Разбойник – образ, подразумевающий «положение выключенности из основной социальной иерархии» [6: 116], т. е. выступает как контрастный относительно образа кавалергарда⁵. А образ учителя чистописания в этой социальной парадигме занимает промежуточную позицию, т. к. подразумевает включенность в социальную иерархию, но на ее низшей ступеньке⁶. Не случайно в литературном сознании образ каллиграфа (а учитель чистописания – это именно и прежде всего *каллиграф*), «переписчика» устойчиво ассоциируется с бедным петербургским чиновником (например, гоголевским Башмачкиным). В этой связи знаменательно увлечение Маракулина каллиграфией – искусством переписчика, что явно проецирует ремизовского героя на героя гоголевской «Шинели». Как считает В. Н. Топоров, сама фамилия героя (Маракулин) имеет среди прочего «писарскую» мотивировку [11: 146, 156].

Корнетова Ремизов «поселил» в Петербурге на Кавалергардской ул. [9: 10]. Прототипом же этого адреса была квартира, в которой А. Ремизов жил в Петербурге с августа 1906 г. по июнь 1907 г. (Кавалергардская ул., д. 8, кв. 28).

⁴ Степень высоты подчеркнута невозможностью ее достичь: ни Маракулин, ни его прототип А. М. Ремизов, сын купца 2-й гильдии, стать кавалергардом не мог в принципе (по причине своего сословного происхождения).

⁵ Более подробно об образе разбойника в творчестве А. Ремизова см. [4: 144–159].

⁶ Но парадокс заключается в том, что корнет – первый обер-офицерский чин в кавалерии (до 1917 г.); введен в 1731 г. взамен звания прапорщика и первоначально относился к XIV классу Табели о рангах. Отменен в 1765 г. и восстановлен Павлом I в 1798 г. В результате реформы 1884 г. чин корнета был переведен в XII класс. В то время как переписчик Акакий Башмачкин имеет чин титулярного советника, который относился к IX классу Табели о рангах (и соответствовал чину армейского штабс-капитана). Впрочем, эта оппозиция «высокий» – «низкий» уже нейтрализуется в образе другого каллиграфа – князя Мышкина, в котором уживаются одновременно благородное дворянское происхождение и низкое занятие.

Причем характерно, что каллиграфическое искусство Маракулина, как и Башмачкина, не имеет никакой практической пользы:

«К празднику директору подается отчет, отчет обыкновенно пишется на машине – самый обыкновенный отчет, а вот ему <Маракулину. – С. Д.> почему-то непременно захочется самому переписать и свою рукою <...> и ночи и дни он упорно выводит букву за буквой, строчит ровно, точно бисером ниже, и не раз переписет, пока не добьется такого отчета, хоть на выставку неси, вот даже какого! – почерком Маракулин славился. Завтра же этот отчет заложат куда-нибудь в бумаги, особого внимания никто не обратит, никому он такой не нужен, а времени и труда затрачено много и без толку» [8: 15–16].

Русская литературная традиция знает образ, одновременно соединяющий все три упомянутые ипостаси. Это – пушкинский Дубровский, который выступает и как гвардейский офицер (он – *корнет* одного из гвардейских полков)⁷, и как разбойник (в романтической его версии), и как учитель-француз.

Трудно сказать, в какой мере Ремизов осознавал эту литературную аналогию. По крайней мере, две роли (корнета и «учителя чистописания») примеряет на себя другой его герой, в еще большей степени автобиографический – Александр Александрович Корнетов, главный герой рассказов «Глаголица» (1912), «Оказион» (1913) и мемуарной книги «Учитель музыки» – моя бытовая автобиография» [9: 4].

Корнетов носит многозначительную «офицерскую» фамилию и так же, как и Маракулин, владеет каллиграфическим искусством:

«Не “ученый”, нет у Корнетова ни ученых трудов, ни орленого золотого значка Археологического Института, но и без всяких отличий, как ловко, как бережно, затейливо выводит он крючки и ставит крестики, в пору тому же ученому и книжному справщику» [9: 8].

Что касается мотива разбойника, то в «Учителе музыки» он сохранился лишь в названии главы «Воровской самоучитель»: так Корнетов называет тетрадь, в которую «записывает он не какие-либо выдающиеся события общественной жизни, регистрируемые газетами, а всякую мелочь из нашей “живой” подъяремной жизни» [9: 286]. И в еще более редуцированном виде – в подзаголовке всей книги: «Каторжная идиллия».

⁷ См.: «Владимир Дубровский воспитывался в Кадетском корпусе и выпущен был корнетом в гвардию <...>» [10: 154].

Литература

1. М. А. Бекетова, Александр Блок и его мать: Воспоминания и заметки. Л.; М., 1925.
2. М. А. Бекетова, «Александр Блок и его мать», Александр Блок в воспоминаниях современников. М., 1980. Т. 1. С. 39–69.
3. А. Грачева, «Революционер А. Ремизов: Миф и реальность», Лица: Биографический альманах. 3. СПб., 1993. С. 419–437.
4. С. Н. Доценко, «Почему Маракулин хотел стать разбойником: (Из комментария к повести А. Ремизова “Крестовые сестры”», Блоковский сборник XIV. Tartu, 1998. С. 144–159.
5. «История кавалергардов 1851», История кавалергардов и Кавалергардского Ее Величества полка с 1724 по 1-е июля 1851 года История кавалергардов и Кавалергардского её величества полка с 1724 по 1 июля 1851 года. СПб., 1851.
6. Ю. Лотман, Б. Успенский Б. «“Изгой” и “изгойничество” как социально-психологическая позиция в русской культуре преимущественно допетровского периода: (“Свое” и “чужое” в истории русской культуры)», Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1982. Вып. 576. С. 110–121.
7. А. Ремизов, Собрание сочинений. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. М.: Русская книга, 2000.
8. А. Ремизов, Собрание сочинений. Т. 4. Плачужная канава. М.: Русская книга, 2001.
9. А. Ремизов, Собрание сочинений. Т. 9. Учитель музыки: Каторжная идиллия. М.: Русская книга, 2002.
10. А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений: В 10 т. Л.: Наука, 1978. Т. 6.
11. В. Топоров, «О “Крестовых сестрах” А. М. Ремизова: Поэзия и правда (Статья первая)», Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. 1989. Вып. 857. С. 138–158.

Alekseja Remizova grāmatas “Mūzikas skolotājs” personāža vārda literārā ģenēze

Rakstā aplūkota Alekseja Remizova grāmatas “Mūzikas skolotājs. Katorgas idille” galvenā varoņa Korņetova vārda autobiogrāfiskā un literārā ģenēze. Autors secina, ka vārds *Korņetovs* ir Remizova bērnības sapņu refleksija, jo rakstnieks ir vēlējis kļūt par kavalergardu. Vienlaikus kavalergarda tēls kļūst par literārās paradigmas *kavalergards – skolotājs – laupītājs* elementu.

Literary Genesis of the Name of the Character of A. Remizov’s “The Music Teacher”

The article deals with the autobiographical and literary genesis of the name of “Korņetov”, the main character of A. Remizov’s book “The Music Teacher. Prison idyll”. The author concludes that the name “Korņetov” is a reflection of Remizov’s childhood dream of becoming a Chevalier Guard. At the same time, the image of the Chevalier Guard becomes an element of the literary paradigm “Chevalier Guard – teacher – robber”.

Юрий Сидяков

Профессор К. И. Арабажин и газета «День»

В статье дан обзор вышедшей в 1922 году русскоязычной латвийской газеты «День». Ведущим сотрудником и фактическим редактором этого издания был профессор К. Арабажин, приехавший в Ригу в 1920-м году и вошедший в историю русской культуры и русского образования Латвии прежде всего как создатель и ректор Русских университетских курсов. Материалы газеты рассматриваются в контексте общественной борьбы, разворачивавшейся в то время в Латвийской Республике.

Ключевые слова: Латвия, 1922 год, пресса, газета «День», К. Арабажин.

Рижская газета «День» просуществовала недолго – всего два месяца. Первый номер вышел 28 августа 1922 года – последний 30 октября. Тем не менее, эта газета представляет интерес, поскольку она связана с именем профессора Константина Ивановича Арабажина, человека, получившего определенную известность в русском зарубежье, в том числе и в Латвии, с которой оказались связаны последние 9 лет его жизни. Известность имя Арабажина получило еще в дореволюционной России (в частности, заметка о нем была включена в энциклопедический словарь Брокгауз-Ефрон [1], [2]).

Хотя в настоящее время существует ряд посвященных К. Арабажину исследований, в которых его биография изложена довольно подробно [3], [4], [5], тем не менее, напомним основные этапы его жизненного пути.

Родился К. И. Арабажин 2 января 1866 года на Украине в городе Каневе – в 1929 погиб в Риге, попав под трамвай (скончался 13 июля от полученных травм). Происходил из дворянской семьи (со стороны матери он был двоюродным братом А. Белого). Со степенью кандидата окончил историко-филологический факультет Киевского университета, в Харьковском университете получил степень магистра. В 1891 году Арабажин переезжает в Петербург, где преподает в ряде учебных заведений, в том числе и в первом в России Народном университете, в создании которого он принимал деятельное участие. Выступал также с публичными лекциями, которые охотно посещались слушателями; сотрудничал с прессой – в печати появлялись многочисленные его статьи. Все это, казалось бы, свидетельствует об успехе, но вместе с тем известны и довольно пренебрежительные оценки Арабажина, принадлежавшие известным писателям и литераторам, лично его знавшим или же знакомых с его публикациями (среди них были А. Чехов, А. Белый, А. Блок и др.) [3: 76]. В качестве примера приведу один из отзывов А. Чехова – достаточно характеристичный: «...был Арабажин,

ничтожнейший литератор, но шумящий, как водяная мельница» [б: 136]. Вторая часть этой оценки вполне может быть соотнесена и с будущей на тот момент деятельностью К. Арабажина в газете «День».

В 1913 г. К. Арабажин становится ординарным профессором Гельсингфорского (Хельсинского) университета. В 1920-м переезжает в Ригу. В Риге он преподавал в различных учебных заведениях, короткое время читал лекции в Латвийском университете, но главным образом получил известность как создатель и долгодлительный руководитель Русских университетских курсов. Сотрудничал с выходившими в Латвии русскими периодическими изданиями и стремился участвовать в общественной жизни. Однако в Латвии этот род его деятельности оказался связан с серией скандальных историй.

Вскоре после прибытия в Латвию К. Арабажин включился в работу руководимого В. А. Пресняковым Русского общества в Латвии, вошел в совет этого общества, однако уже в начале 1921 года был вынужден со скандалом организацию Преснякова покинуть. Начало конфликту положила опубликованная К. Арабажиным в газете «Сегодня» статья по поводу признания Латвии *de jure* западными державами. В этой статье наряду с хвалебными высказываниями в адрес молодой республики в виде своеобразной самокритики содержались и негативные оценки культурного и гражданского состояния русского национального меньшинства страны. Это печатное выступление вызвало резкое недовольство сотрудников Русского общества в Латвии. Вскоре было предано гласности и выдвинутое тем же обществом обвинение К. Арабажину в том, что осенью 1919 года он составил анонимный донос на ведущих русских общественных деятелей в Финляндии и отправил его одному из работников врангелевской контрразведки (В. Г. Орлову). В ответ К. Арабажин созвал состоявший из представителей национальных меньшинств суд чести, который его оправдал. Правда, судьями оказались преимущественно знакомые профессора, что вызвало у общественности определенное сомнение в беспристрастности принятого решения – к тому же и входившие в суд чести представители русского национального меньшинства были членами Национально-демократического союза – организации, конкурировавшей и враждовавшей с выдвинувшим обвинение Русским обществом в Латвии. Впрочем, и с многими деятелями Национально-демократического союза у К. Арабажина отношения вскоре оказались весьма натянутыми.

Летом 1922 года вышел первый номер газеты «Маяк», заявлявшей себя беспартийной, но фактически являвшейся органом Национально-демократического союза. Есть сведения, что К. Арабажин намеревался возглавить эту газету, но по каким-то причинам ему в этом было отказано. Редактором «Маяка» стал один из деятельных членов Национально-демократического союза Н. Бордонос. Вскоре в одной из статей, опубликованных в газете, в адрес К. Арабажина был высказан упрек по поводу недостаточно корректной, по мнению редакции, оценки им Русской Православной Церкви,

прозвучавшей в одной из его лекций. Несмотря на сравнительно мягкую формулировку, замечание это вызвало крайне болезненную реакцию профессора, инспирировавшего публикацию протестного письма от имени его слушателей. Далее конфликт стал разгораться с нарастающей силой, приобретая характер явного скандала. Посыпались взаимные обвинения. К. Арабажин отвечал «Маяку» первоначально на страницах «Рижского курьера», затем в новой газете «День», где ему принадлежала ведущая роль¹.

Таковы события, относящиеся к биографии Арабажина, предшествовавшие возникновению издания, о котором далее пойдет речь. Перечисленные события оказали влияние и на общественную позицию газеты, и на ее содержание.

За все время издания «Дня» было выпущено 9 номеров. Выходила газета еженедельно по понедельникам – в день, когда прочая пресса в большинстве своем в продажу не поступала.

Следует отметить, что в 1922 году число издававшихся в Латвии русских газет было необычайно велико – всего их выходило 10. Шесть были новыми, основанными тогда же, правда, 5 из них в тот же год прекратили свое существование [9: 41–51]. Такая активность печати неудивительна, поскольку 1922 год был годом выборов в первый Сейм Латвийской Республики.

«День» начал выходить непосредственно в предвыборный период (первый номер появился примерно за полтора месяца до дней голосования), прекратила свое существование газета сразу вслед за подведением итогов выборов. Но все же собственно агитационным изданием «День» не являлся и, очевидно, издатели ставили перед собой иные цели. Хотя речь о предстоящих выборах на страницах газеты шла постоянно, однако прямых призывов голосовать за какой-либо определенный список, что было свойственно тогда большинству периодических изданий, здесь не помещалось. Но при этом присутствовала настойчивая антиреклама – из номера в номер дискредитировалась общественная деятельность шедшего на выборы от Русского общества в Латвии Преснякова, а также и само общество (см., напр.: [10], [11], [12]). Определенно К. Арабажин таким образом сводил личные счеты за прежние обиды² (хотя, надо сказать, что деятельность В. Преснякова – явного авантюриста, особенно его финансовые, дела у многих в то время вызвали сомнения – см. о нем подробнее: [8]).

Второй русский список к выборам был подан от Национально-демократического союза. Хотя уже после выборов в «Дне» и была напечатана статья, в которой указывалось, что редакция призывала голосовать именно

¹ Подробнее о связанных с этим конфликтом обстоятельствах см.: [7], [8: 124–130].

² Без сомнения, статьи на предвыборные темы были написаны самим К. Арабажиным: подписаны они легко раскрываемым псевдонимом – А. Каневский (напомню, К. Арабажин родился в г. Каневе) и производными от этого имени криптонимами (А. К-ский, А. К. С-кий) и отличаются свойственными автору особенностями стилистической манеры.

за этот список [13], в действительности в предвыборный период особенно активной поддержки Национально-демократическому союзу газета не оказывала. Отношение к этой организации у К. Арабажина было очень сложным из-за конфликта с неофициальным органом Союза – газетой «Маяк». Тем не менее, он явно симпатизировал председателю союза А. Бочагову и старался отделять его от враждебных членов организации³. Кстати, Бочагов был одним из участников оправдавшего К. Арабажина суда чести.

Что касается третьего русского отдельного старообрядческого списка – о нем в газете упоминалось мало, и упоминания эти носили преимущественно скептический характер⁴.

Хотя официально редактором и издателем «Дня» числился Н. В. Павлов, в действительности же главная роль в газете, несомненно, принадлежала К. Арабажину. Сколько можно судить, он был автором ряда передовых статей, подписанных криптонимом -ь. Стилль К. Арабажина здесь легко узнаваем, поскольку в газетной своей деятельности он довольно часто повторялся, использовал одни и те же излюбленные выражения.

В программной статье, открывавшей первый номер, заявлялось следующее: «Наш “День” предназначается для здоровой, честной и неустанной работы на общее благо страны, в которой мы живем под защитой демократических законов республики. Наша территория: Латвия и весь мир... Прежде всего Латвия и народности, ее населяющие». Далее шли общие фразы о том, что надо дружно трудиться, принимать участие в «культурной государственной работе», что «нужно объявить поход всему злобному, гнусному, подлому, хищническому». «Наша большая любовь – к русской культуре – в ее высшем цветении, – говорилось далее в статье, – <...> Но мы не глядим назад и не принимаем сегодняшнего дня: ни коммунизм, ни старое русское ташкентство <...>» – и так далее. Заканчивалась статья высокопарными фразами: «Мы накануне нового дня: трудная работа государственного строительства почти закончилась. Предрабасветные мелькания сменяются днем – работой Сейма. Пусть этот день будет ясным, теплым и приветливым для всех людей труда, доброй воли и мысли» [17]. Все это может служить образцом стиля К. Арабажина, особенностей его красноречия и уже достаточно хорошо представляет его детище – газету «День».

Публицистика здесь была, как правило, малосодержательной, переполненной либеральной фразеологией – полагаю, что здесь следует говорить именно о фразеологии: трудно сказать, стояли ли за ней сколь-либо серьезные убеждения, кроме стремления «показаться не отсталым» – так позу

³ В связи с этим см. раздел III в статье «Русские дела» в № 1 газеты [14], а также обширное интервью с А. Бочаговым в № 4 [15].

⁴ Так в одной из статей, посвященной предстоящим выборам, о старообрядцах говорилось следующее: «Представители списка заявляют, что старообрядцы должны защищать двуперстное знамение, что православные являются их недругами, забывая, что кроме религии есть еще и другие, важные вопросы» [16].

К. Арабажина определяла враждебно к нему настроенная газета «Маяк» [18]. До революции он щеголял радикализмом, побуждал Горького, с которым был лично знаком, издавать газету, направленную против либералов [3: 76], теперь же в новой ситуации левые убеждения преподносились как враждебные. В свою очередь газета объявила войну также и монархистам – в частности, здесь помещались статьи, в которых крайне иронически сообщалось о претендентах на российский императорский престол – великих князьях Кирилле Владимировиче и Николае Николаевиче, о расприх между их партиями и т.д. (см., напр.: [19]); в № 5 была помещена публикация, составленная на основе мемуаров Витте, где в крайне отрицательном свете был представлен Николай II (подготовлена она была Г. Князевым – секретарем руководимых К. Арабажиным Русских университетских курсов) [20].

Мировые события в газете освещались слабо – своих зарубежных корреспондентов не было, не было также и серьезных аналитиков, которым бы было под силу писать политические комментарии по международным вопросам. Какие-то попытки в этом направлении предпринимал сам К. Арабажин, но попытки эти оказывались малоуспешными – статьи получались вялыми и скучными. Довольно много писалось в «Дне» о положении дел в Советской России, но и тут источники большей частью оказывались вторичными. Отмечались исключительно отрицательные стороны советской действительности – репрессии, хозяйственный упадок, упадок культурной жизни и т. п. Все это было тогда общим местом в эмигрантской печати.

Латвийский материал был также представлен небогато. Больше внимания здесь уделялось культурной жизни, в частности, театральной, но и тут по большей части все ограничивалось лишь представлением репертуара и небольшими аннотациями. Довольно много помещалось в газете материалов о положении русской школы; разумеется, писалось и о руководимых К. Арабажиным Русских университетских курсах.

Предпринималась попытка создать в газете солидный библиографический раздел. Так среди прочего в первом номере газеты был помещен развернутый обзор журнала «Мысль», издававшегося Петербургским философским обществом, во втором – рецензия на вышедшую в Дрездене на немецком языке книгу А. Шурига «Рабиндранат Тагор, его личность, произведения, мирозерцание», в третьем номере был дан обзор V тома «Архива русской революции» Гессена и др. Однако сил хватило только на три номера – далее библиографический раздел появляется уже не в каждом выпуске, и объем его, а также качество резко падают (да и сама газета, вначале выходившая на шести страницах, сокращается до четырех, из которых одна была занята рекламой).

Много места в газете отводилось статьям на литературные темы. Большой частью они принадлежали самому К. Арабажину и, как правило, были подписаны полным его именем (иногда использовались инициалы). Эта часть репертуара газеты, пожалуй, наиболее интересна, хотя и здесь уровень в основном был не особенно высоким – публикации в значительной мере носили характер «откликов к случаю».

В № 1 К. Арабажин поместил свою статью о Блоке. Называлась она «Двенадцать (что хотел сказать Блок своей поэмой)». Статья должна была служить доказательством тому, что никаким гимном большевистским победам, как интерпретировали поэму в то время некоторые критики, она не является. Однако достаточно серьезных доводов автор не приводит и его публикация оказывается весьма поверхностной даже для жанра газетной статьи, хотя и не лишенной при этом ряда эффектных фраз: «Блок – чадо нашей городской интеллигенции, цвет новой русской поэзии, роднящей его с лучшими европейскими поэтами неоромантического и символического направления. Романтик, поставивший свое “нет” тусклой действительности, А. Блок был создан для той поэзии, которой он сделался лучшим представителем» [21].

В № 7 в связи с юбилеем Горького (30-летие литературной деятельности) была помещена статья К. Арабажина, в которой юбиляр изображался хитрым приспособленцем. Литературная деятельность Горького также оценивалась не слишком высоко – он именовался писателем, оплевавшим свой народ; говорилось также о сходстве Горького со Смердяковым Достоевского [22]. Впрочем, здесь К. Арабажин оригинален не был – повторил определение, данное Е. Чириковым (которое с указанием имени автора также было приведено в напечатанной несколько ранее в «Дне» статье [23]).

Во № 2 была опубликована, принадлежавшая К. Арабажину заметка о Гумилеве, написанная в связи с годовщиной его гибели (многие русские латвийские газеты тогда отозвались на нее). Состояла эта заметка также в основном из общих фраз: «Прошел год со дня смерти поэта Н. С. Гумилева. Он был убит большевиками, как русский человек, глубоко любящий народ и свое отечество. Его большие дарования, его поэтические достижения, конечно, не могли быть оценены убийцами. Они не пощадили писателя, перед которым открывались впереди большие возможности <...>», и далее в подобном роде [24].

В № 4 в отделе фельетонов напечатан очерк Арабажина «Купец в русской литературе». Из писавших о купцах авторах здесь упоминаются Гоголь, разумеется, – Островский; кроме них – Боборькин, Горький, Чехов. Но, по сути, статья была посвящена не столько литературе, сколько роли купечества в русской общественной и культурной жизни, и роль эта была автором оценена достаточно высоко [25].

Из других посвященных литературным темам статей, опубликованных в «Дне», следует упомянуть и помещенное в № 7 принадлежащее Артуру Тупину (Тупиньшу) интервью с Маяковским. В книге «А издавалось это в Риге» Ю. И. Абызов определял автора как латышского журналиста, специализировавшегося на скандальной сенсации [9: 50]⁵. Хотя прямых

⁵ С. А. Тупиным К. Арабажин был знаком еще в дореволюционный период – им было написано предисловие к составленной и подготовленной Тупиным к печати книжке «Прибалтийский край и война: материалы из русской печати за август, сентябрь и октябрь 1914 г.» [26].

оценок Маяковского опубликованное интервью в себе не содержало, тем не менее, его образ был здесь представлен достаточно непривлекательным: «Десять лет тому назад в женском Медицинском Институте, где я вел семинарий по новейшей литературе, я пригласил впервые футуристов. Был и Маяковский, уже тогда он был “большевиком”. В своей неизбежной кофте, размахивая громадными кулачищами с грязными траурными ногтями он читал свои стихи. Круглая как шар голова с квадратной выдающеюся челюстью. Когда наклонялся к вам и спорил, обдавал вас слюной. В памяти у меня остался его перекошенный от злости рот, откуда сверкал ряд гнилых зубов... Теперь он был ласковым и откровенным. Синий шикарный костюм. Желтые полусапожки бокс-кальф. Нет больше длинной гривы, волоса гладко сбриты и громадный хищный рот украшен рядом золотых зубов. Владимир Маяковский стал европейцем» [27].

Из других крупных публикаций Арабажина в «Дне» (не относящихся к собственно литературным темам) следует упомянуть напечатанную в № 2 газеты его статью «Сменовеховство», спровоцировавшую скандальную полемику. В статье, кроме отрицательной оценки Сменовеховства, вновь было высказано резкое суждение по поводу особенностей русского национального характера. Поскольку эти заявления прозвучали в и без того неблагоприятной по отношению к русскому национальному меньшинству Латвии общественной обстановке, они вызвали крайне враждебную отповедь в газете «Маяк». К. Арабажин отвечал также резко, в результате полемика переросла в форменную перебранку. Поскольку о об этой полемике мне уже приходилось писать в свое время [7], не буду сейчас останавливаться на этой теме более подробно, отмечу лишь, что на этот раз в отличие от подобного же громкого скандала 1921 года против К. Арабажина выступил только «Маяк» – наиболее значительные рижские русские издания газету К. Арабажина полностью игнорировали: за все время своего существования «День» ни разу не был упомянут ни в «Сегодня», ни в «Рижском Курьере».

Такова история «Дня» – история одной из целого ряда неудачных попыток создания новой небольшой самостоятельной русской газеты в период первой Латвийской Республики, которая смогла бы занять свое место на рынке периодики и утвердиться рядом с крупными изданиями того времени – прежде всего с газетой «Сегодня».

Литература

1. [Б. п.] «Арабажин (Константин Иванович)». Энциклопедический словарь изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Дополнит. том I. СПб., 1905. С. 137.
2. [Б. п.] «Арабажин, Константин Иванович». Новый энциклопедический словарь изд. Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. Т. 3. СПб., [б.г.], табл. 249.
3. S. G. Isakov. «Профессор Хельсинкского университета К. И. Арабажин». Очерк жизни и деятельности. *Studia Slavica Finlandensia*. Т. IV. Helsinki, 1987. P. 68–111.
4. А. М. Конечный «Арабажин Константин Иванович». Русские писатели 1800–1917. Биографический словарь. Т. 1. М.: Сов. Энциклопедия, 1989. С. 100.
5. Л. Спроге; Е. Колесова. «Профессор-славист К. И. Арабажин: к характеристике рижского периода деятельности». *Filoloģijas un mākslas zinātnes Latvijas Universitātē 1919–2009. Procesi un personības*. [Rīga]: Latvijas Universitāte, 2009. 264.–273. lpp.
6. А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Письма в двенадцати томах. Т. 10. М.: Наука, 1981.
7. Ю. Сидяков. «"Дело" К. И. Арабажина». Радость ждет сокровенного слова... Сборник научных статей в честь профессора Латвийского университета Людмилы Васильевны Спроге. Рига: Латвийский университет, 2013. С. 251–259.
8. Э. Екабсонс; А. Флейшман. «Первый российский консул в независимой Латвии». *Avoti. Труды по балто-российским отношениям и русской литературе: В честь 70-летия Бориса Равдина. Part I. Stanford, 2012. [Stanford Slavic Studies. Vol. 42]. P. 67–214.*
9. Ю. Абызов. А издавалось это в Риге. 1918–1944: Историко-библиографический очерк. М.: Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»; Русский путь, 2006.
10. СМ.: А. Каневский «Пестрядь». День. 1922. 4 сент. (№ 2). С. 3.
11. А. К-ский. «Кого и как выбирать». День. 1922. 25 сент. (№ 5). С. 2.
12. А. К-ский. «Метаморфозы депутата». День. 1922. 2 октяб. (№ 6). С. 3.
13. А. Каневский. «Русская жизнь». День. 1922. 9 окт. (№ 7). С. 3.
14. А. К. С-кий. «Русские дела. День». 1922. 28 авг. (№ 1). С. 3.
15. [Б.п.] «Аграрный вопрос в Латвии. Интервью с А. С. Бочаговым». День. 1922. 18 сент. (№ 1). С. 3.
16. И. Зилин. «К выборам в Сейм. Съезда кандидатов Н<ационально>-дем<ократического> союза в Режице». День. 1922. 25 сент. (№ 5). С. 3.
17. -ъ «Наши задачи». День. 1922. 28 авг. (№ 1). С. 1.
18. [Б. п.] «Лжехристианство». Маяк. 1922. 17. июля. (№ 4). С. 4.
19. [Б. п.] «Претенденты на престол и большие уши». День. 1922. 28 авг. (№ 1). С. 2.
20. Г. Князев. «Витте о Николае II-ом». День. 1922. 25 сент. (№ 5). С. 2–3.
21. К. Арабажин. «Двенадцать (что хотел сказать Блок своей поэмой)» День. 1922. 28 авг. (№ 1). С. 2-3.
22. К. Арабажин. «Максим Горький. К его юбилею». День. 1922. 9 окт. (№ 7). С. 2–3.
23. [Б.п.] «Перелеты и М. Горький». День. 1922. 2 окт. (№ 6). С. 2.
24. К. А. «Н. С. Гумилев». День. 1922. 4 сент. (№ 2). С. 3.
25. К. Арабажин «Купец в русской литературе». День. 1922. 18 сент. (№ 4). С. 2–3.
26. А. П. Тупин. Прибалтийский край и война: материалы из русской печати за август, сентябрь и октябрь 1914 г. Собрал и сост. А. П. Тупин; предисл. К. И. Арабажина. Пг.: Изд. А. П. Тупина, 1914.
27. А. Тупин. «Маяковский за границей (Интервью)». День. 1922. 9 окт. (№ 7). С. 3.

Profesors Konstantīns Arabažins un laikraksts "Diena"

Rakstā dots pārskats par 1922. gadā iznākošo Latvijas krievu laikrakstu "Diena". Izdevuma vadošais darbinieks un faktiskais redaktors bija profesors Konstantīns Arabažins, kurš uz pastāvīgu dzīvi Rīgā pārceļas 1920. gadā. Latvijas krievu kultūras un Latvijas krievu izglītības vēsturē profesors K. Arabažins pazīstams kā Krievu Universitātes kursu dibinātājs un pirmais rektors. Laikraksta materiāli aplūkoti tā laika sabiedriskās cīņas kontekstā.

Professor K. Arabazhin and the Newspaper "Denj" ("The Day").

This article offers an overview of the Latvian Russian-language newspaper "Denj" ("The Day"). The newspaper was issued in 1922 in Riga. Professor K. Arabazhin, who moved to Riga in 1920, was not only one of the key employees, but also the editor of the newspaper. In the history of Latvian Russian culture and Latvian Russian education, Professor K. Arabazhin is known as the founder and first rector of Russian University. The materials of the newspaper are considered in the context of the public struggle of that time.